

«Никто не может быть до такой степени слеп, чтобы не видеть: Бог собрал в женщине всю красоту, которая имеется в мире, поэтому все творения должны любоваться ее ослепительной красотой, любить ее и поклоняться ей под многими именами»⁴⁸.

(Знаменательно, что Агриппа, подобно всем алхимикам, верил, что менструальная кровь имеет особое практическое и мистическое применение⁴⁹. Алхимики полагали, что в ней содержится уникальный эликсир или химическое вещество, проглотив и переварив которое, по древнему ритуалу, человек гарантированно получает физическое омоложение, почти бессмертие и познание истины. Разумеется, позицию, более далекую от мнения Церкви, представить трудно.)

Агриппа был не просто теоретиком, не был он и трусом. Он не только женился три раза, но свершил практически невозможное: он защищал женщину, обвиненную в колдовстве, — и *выиграл процесс*. Конечно, и Воган, и Бруно, и Агриппа — мужчины, и возникает подозрение: может быть, они наслаждались своим сексуальным блаженством исключительно ради самих себя, даже в том случае, если наслаждение было чисто духовное. Однако, заметив, что женщину, если бы она осмелилась написать о вещах такого рода, сразу же обвинили бы в колдовстве, напомним: чтобы ритуалы Венеры «сработали», требуется, чтобы оба стремились к одной цели, достигли ее и получили равное озарение как партнеры, аналогично китайской концепции единого целого, состоящего из ян и инь.

Джордано Бруно был не из тех людей, что держат свои мысли при себе. В своих поздних работах он использовал еще более точные сексуальные образы⁵⁰, но даже в этом случае историки предпочли их не замечать. Если о них и говорили, то объяснение было одно: это аллегория. Не только эти, но и другие конкретные — или ассоциированные — упоминания в его работах трактовались неправильно. Когда Бруно писал о «богине» как об анонимной даме, которой посвящена его любовная поэзия, это воспринималось как нежный эпитет. Позднее, когда в своем прощальном выступлении в Германии он прямо сказал, что богиня Минерва есть София (Премудрость), это тоже было воспринято как еще одна аллегория. Но его слова, бесспорно, были словами человека, поклоняющегося богине:

«Ее я любил и искал со времен юности, ее я желал в супруги и любил ее тело... и я молился, чтобы... она всегда пребывала со мной, работала со мной, чтобы я мог узнать, чего мне не хватает...»⁵¹.

Еще интереснее тот факт, что в своем посвящении *Eroici furori* он специально уподобляет это произведение Песне Песней⁵². Снова мы встречаемся с культом Черной Мадонны и по ассоциации — с культом Магдалины. (Разумеется, был и другой великий герметик/розенкрейцер Вильям Шекспир, посвятивший сонеты таинственной

Темной Даме, споры о личности которой дали пищу целым поколениям критиков. Хотя не исключено, что это могла быть реальная женщина — или даже мужчина, — вполне вероятно, что она представляла собой, *au fond* (в сути своей), Черную Мадонну, темную богиню. Известно, что герметики избрали символом особого альтернативного состояния — особого транса — даму темного облика⁵³.)

Храбрая атака Бруно на христианскую веру и нравы принесла ему страшную смерть, которая была предупреждением всем другим храбрым душам. Чудовищное истребление женщин в процессе охоты на ведьм требовало осмотрительности среди «еретиков» (следует помнить, что, хотя сжигать живьем прекратили довольно давно, последнее судилище над «ведьмой» по «Акту о колдовстве» состоялось в Великобритании в 1944 году). Но мистический секс, будучи особой тайной оккультного подполья, не был принадлежностью отдельных лиц и вместе с ними не погибал.